

“Закон Моцарта”

Выведен Валерием Афанасьевым

“Уверенность, что все уже написано, уничтожает нас или обращает в призраки”.

Х.-Л. Борхес.

“Вавилонская библиотека”

Осовременивание классики в нынешних концертных программах совершается очень часто, но, как правило, остается неосознанным. К примеру, мы редко задумываемся о том, что значительная доля “филармонического” фортепианного репертуара состоит из произведений, которые написаны не для рояля, а для других инструментов: клавины, органа или молоточкового фортепиано. Забывая об этом простом факте изначального нарушения авторского замысла, мы отводим романтически ориентированной русской фортепианной школе особое место, рассуждая о ней как о единственно возможной, максимально соответствующей любой авторской идее, и с большой остороженностью относимся к исполнителям, играющим хорошо известную музыку иначе, чем мы привыкли ее слышать.

Концерт Валерия Афанасьева, состоявшийся на прошлой неделе в Большом зале консерватории, был посвящен памяти Эмиля Гилельса — для русского слушателя фигуры легендарной и знаковой. В программу концерта вошли только произведения Моцарта, причем в большинстве своем такие, которые принято называть популярными, — Фантазия ре минор, Рондо ля минор, Адажио си минор, Фантазия и соната до минор. За всю историю существования фортепианного исполнительства эти сочинения были сыграны много раз, и в сознании меломанов, наверное, сложились в некий обобщенный образ “печального Моцарта” с соответствующим кругом ассоциаций. Поэтому после объявления программы концерта многие настроились на вечер воспоминаний, когда с ностальгическим благоговением думаешь об ушедших великих, улавливая в музейной старательности своих современников отголоски их стиля, и всерьез не ожидаешь, что запредельный трагизм моцартовской музыки пробьется к тебе сквозь плотную чешую давно узаконенных интерпретаций.

Однако первые же звуки ре-минорной фантазии заставили вздрогнуть и вознегодовать, ибо никак не соответствовали не только общепринятым канонам исполнения Моцарта, но и любым традициям исполнения

классики вообще. Это была странная, почти медитативная музыка, выплывающая откуда-то издалека, вначале едва различимая, как неясный абрис не пережитого, но а priori существующего в подсознании, как память о вечности. “Ощущение, которое должен испытывать одинокий путешественник перед лицом печальной необъятности космоса” — этот образ, созданный Валерием Афанасьевым в его эссе, посвященном фантазии, на сцене был передан буквально, почти “словесно конкретно”.

Литературная деятельность Валерия Афанасьева сегодня известна не меньше, чем исполнительская. Но стоит ли всерьез задумываться о том, какая составляющая преобладает в его творчестве? Новаторские и парадоксальные интерпретации пианиста — прежде всего отражение его разных позиций по отношению к музыкальной (и не только музыкальной) культуре, ее интеллектуальному и духовному достоянию. Анатомируя устойчивые образы, провоцируя непредсказуемые образные превращения, он находит в давно знакомом, почти хрестоматийном тайные смыслы и открывает все новые возможности для художественной фантазии. Каждый его концерт — это не столько выступление солиста перед публикой, сколько обсуждение определенной темы. И в этом смысле его игра почти всегда литературна, вернее, внутрилитературна, потому что музыка становится языком и средством для воплощения литературной идеи.

Неординарность поставленной задачи определяет особенности исполнительской манеры Валерия Афанасьева. Он избегает привычных, “специфически музыкальных” средств. Его темпы подчеркнута замедленны, пассажи лишены сверкающей виртуозности, кульминации нарочито спонтанны, а cadенции из “точек” в форме превращения в многоточия. Выразительности интонации он предпочитает выразительность сменяющих друг друга тембровых красок-состояний, а рельефность фактуры приглушает педальной дымок. Произведения в его исполнении лишаются однозначной завершенности, становятся чередой сменяющих друг друга символов: вечности, последнего предела, ирреального страха или света и благоговения. Такая блочно-символическая форма кажется особенно естественной в жанре фантазии — быть мо-

жет, поэтому в своих литературных эссе даже крайние части до-минорной сонаты Афанасьев именует “фантазиями”.

Моцартовская тематика была выбрана не случайно. Личность одного из главных культурных героев на протяжении почти двух с половиной столетий Валерия Афанасьева интересовала ничуть не меньше, чем его творчество. Множество тем и сюжетных ходов моцартианской легенды создавали замечательную почву для культурологических изысканий. Соблюдение каких-либо стиливых рамок было совершенно необязательно, потому что моцартовская образность воспринималась исполнителем как сумма отражений многих культурных зеркал. Когда Творец покидает время и пространство, он превращается в миф, а его биография, слившись с его творчеством и осмыслением этого творчества, становится литературой. Две основные темы моцартианского мифа обсуждались Афанасьевым в литературном (в прилагаемом к программе сборнике эссе) и музыкальном вариантах: гений и злодейство (а точнее, гений и нравственность, ибо гению должна быть свойственна обостренная нравственность — особое ощущение сути вещей) и человек и Судьба (тема, связанная с мифами о Дон Жуане в творчестве Моцарта и Черном человеке в его биографии). Осмысление и истолкование наследия великих в культуре “определяет скорость человеческих событий”. В этом и заключаются “закон Моцарта” и идейная основа исполнительского стиля Валерия Афанасьева.

Выступления этого музыканта очень сложно назвать концертами в общепринятом смысле этого слова. И не только подчеркнутая неартистичность его поведения на сцене тому причиной. Интерпретации Валерия Афанасьева не заставляют понимать и соглашаться и аплодировать, но оставляют пространство для размышления и вопрошания, а потому после последнего аккорда хочется тихо встать и выйти в липкий осенний сумрак, чтобы не спугнуть затеплившееся ощущение истинности.

Покидая Большой зал, я подумала, что так и не знаю, какую музыку сейчас услышала: ту ли, что действительно прозвучала, или ту, что живет в моем собственном сознании...

Ольга ФИЛИППОВА

Кудымцова. - 2004 - 18-24 окт. - с. 11